

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ РИТОНЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Примерно три четверти ритонов Северного Причерноморья и Северного Кавказа обнаружены в погребальных комплексах. Исключение составляют «майкопский клад», оба керченских ритона, и «полтавский» сосуд, обстоятельства находки которых практически неизвестны. Келермесские и мерджанский ритоны добыты в результате грабительских раскопок, и у нас нет точных данных о расположении вещей в погребении. В остальных случаях мы знаем не только то, из какого памятника происходит сосуд, но и то, в каком месте могилы он располагался и в комплексе с какими вещами был найден*

Следует отметить, что такая ситуация далеко не обычна для ритонов этого времени, распространенных на других территориях древнего мира.

Иранские ритоны в большинстве случаев были найдены в результате грабительских раскопок, и мы ничего не знаем о комплексах, в которых они обнаружены. Большинство античных ритонов также в основном происходит из частных коллекций без точного указания происхождения. На территории Кавказа и Закавказья мы встречаем ритоны из клада (Эребуни), разрушенных погребений (Мтисдзири, Бамбора), сосуд, сохранившийся в современном святилище (Реком). Среди фракийских сосудов четыре обнаружены в погребениях, два комплекса (3 и 8 ритонов – Русе и Панагюриште) являются кладами, один глиняный ритон найден в культурном слое поселения, место находки остальных точно не известно (Маразов, 1978).

Таким образом, только в Северном Причерноморье мы имеем дело не только с достаточно большим количеством комплексов, а не с массивом единичных находок вне контекста, но именно с материалом погребальных комплексов, содержащих ритоны.

Прежде всего представляет интерес общая характеристика комплексов, в которых найдены ритоны. Это погребения, большинство

* При этом, конечно, следует учитывать, что некоторые комплексы ограблены (Скоробор, Мастюгино, Дуровка, возможно, Показовое). Впрочем, по крайней мере, в трех последних случаях, имеющиеся аналогии в расположении ритонов позволяют предполагать, что в этих курганах они найдены *in situ*.

из которых вряд ли можно назвать «рядовыми». Солоха, Гайманова, Толстая могила, I Мордвиновский курган включены Б.Н. Мозолевским в выделенные им группы наиболее богатых скифских захоронений IV в. до н.э., общий удельный вес которых среди всего массива погребений не превышает 5-7%. На территории лесостепного Подонья, откуда происходят два ритона, отмечается сравнительная малочисленность «элитарность» курганных погребений в целом. При этом ритоны найдены «в наиболее грандиозных погребальных сооружениях» среди них (Медведев, 1999, с. 111, 114), отличавшихся от прочих и составом инвентаря (к примеру, обилием изделий из серебра, не встреченных в других погребениях могильника). Неоднократно отмечался исследователями и достаточно высокий статус погребенных в прикубанских курганах, содержащих ритоны – таких, как Семибратние, Келермес, Карагодеуашх.

Говоря о половозрастной принадлежности погребенных, мы можем отметить одно женское (I Мордвиновский), одно детское (принадлежавшее, по-видимому, мальчику – Толстая могила) и 6 парных погребений (Братолюбовский курган, Дуровка, Великая Знаменка, Куль-Оба, Карагодеуашх, Мерджаны). Большинство же (11) комплексов, где определение пола погребенного возможно, с большей или меньшей вероятности исследователи относят к мужским (воинским) погребениям.

Следует отметить, что ритон практически никогда не находится в погребении изолированно. Наиболее частым сопутствующим ему материалом являются другие сосуды – металлические, деревянные, глиняные (амфоры). Неоднократно встречаются они в составе наборов металлической и деревянной посуды, так называемых «винных сервизов» (набор металлической посуды для питья вина; термин Е.Е. Фиалко - см. Фиалко, 1996 с. 189-190). Иногда эти наборы включают значительное количество предметов (Гайманова могила – 9, Куль-Оба - 8, Семибратний 4 – 6). Встречаются и меньшие наборы, по 3 – 4 предмета (Соболева, Толстая могила, Братолюбовский курган). Представлены такие типы сосудов, как кубок, килик, чаша, фиала, таз, блюдо (Фиалко, 1996 с. 188-189). Встречаются также деревянные сосуды (Соболева могила, I Мордвиновский, Гайманова могила). При этом, помимо посуды, рядом могут находиться и иные предметы, чаще всего различные украшения: амулеты и браслет (Семибратний 4), пектораль (Братолюбовский курган), гривна и бляшки-утки (Уляп).

Также довольно часто ритоны встречаются вместе с амфорами, число которых колеблется от одной до 14 (Великая Знаменка). Такие сочетания встречены в следующих погребениях: Дуровка, Рыжановский курган, Показовое, Великая Знаменка, ст. Елизаветовская, Талаевский курган, Карагодеуашх. Вместе с мастюгинским ритоном была найдена бронзовая гидрия. При этом за исключением Карагодеуашха (и, возможно, Мастюгина) им не сопутствуют «винные сервизы». Из упомянутых выше типов посуды встречаются только таз-блюдо и деревянные сосуды (Рыжановка, Солоха, Великая Знаменка). В двух последних комплексах рядом находились черпак и ситечко. Из других крупных сосудов совместно с ритонами встречаются котлы (Рыжановка, Солоха).

Расположение ритонов и сопутствующих им предметов в пространстве могилы также весьма разнообразно. Наиболее распространено положение около погребенного (за головой или сбоку – Соболева, Толстая могила, Семибратние курганы, I Мордвиновский) и около одной из стен (Куль-Оба, ст. Елизаветовская, Талаевский курган, Скоробор, Рыжановский курган). Также они могут располагаться в углу (Мастюгино, Дуровка, Карагодеуашх), в центре могилы (Показовое), в нише (Солоха, Великая Знаменка) или в тайнике (Братолюбовский курган, Гайманова могила).

Оба уляпских ритона найдены в составе ритуального комплекса, в одном из скоплений вещей, включавшем, помимо предметов, также человеческий череп.

При всем разнообразии положений мне кажется возможным, рассматривая одновременно положение и состав найденных предметов, выделить среди них две группы. В первую войдут комплексы, где ритоны были обнаружены около погребенного или в тайнике (а также Уляпский ритуальный комплекс), во вторую – где соответствующие сосуды располагаются у одной из стен, в углу, в центре или в нише могилы.

В первом случае ритоны всегда находятся в составе «винных сервизов» или, по крайней мере, наряду с другими металлическими и деревянными сосудами. Также только в этой группе встречена такая категория вещей как украшения.

Во второй группе мы также видим несколько сервизов (Куль-Оба, Карагодеуашх), но в большинстве случаев ритоны встречены вместе с амфорами и/или котлами, что совершенно не характерно для первой группы. Кроме того, рядом с этими комплексами или вблизи от них обнаружены кости животных (Мастюгино, Дуровка,

Показовое; в последнем случае – на блюде, поэтому, возможно, аналогичный случай мы имеем в ст. Елизаветовской, где рядом с ритонном и амфорой обнаружена «бронзовая круглая пластина») (Миллер, 1910 с. 90-91 рис. 7). Все это в сочетании с находками котлов, черпака и ситечек с большой вероятностью указывает на связь этих комплексов с идеей напуганной пищи/питья.

О разном назначении сходных предметов, находящихся в разных частях погребального комплекса, могут говорить и следующие факты. В Солохе и Рыжановском кургане, помимо комплексов посуды, включавших ритоны (обнаруженных соответственно в нише и у стены) рядом с погребенным также находились наборы металлических сосудов, не включающие ритоны. В 4 Семибратнем кургане около погребенного находились ритоны, чаша и килик и некоторые другие предметы, другое же оружие и утварь были помещены в отдельное, огороженное досками, помещение.

Выделяя эти две группы, можно условно назвать их «ритуальной» (первую) и «бытовой» (вторую). Но именно условно: нельзя с уверенностью сказать, что первые использовались только в ритуальных действиях и не были в то же время предметом аристократического быта, знаком богатства их владельца. В то же время уже само нахождение сосудов второй группы в погребении может указывать на связь их с определенными идеологическими представлениями – а значит, возможно, и ритуалом.

При этом термин «бытовой» вовсе не означает, что ритоны были рядовыми изделиями, массовым материалом, широко распространенным среди рядового населения. Небольшое в целом количество экземпляров, среди которых практически нет двух одинаковых, драгоценные металлы, шедшие на их изготовление, указывают, что ритоны были предметами «престижными», связанными с достаточно высоким социальным статусом их владельца. Такая ситуация была в это и несколько более раннее время (по крайней мере, с VII в. до н.э.) характерна и для древнего Ирана, где «драгоценные сосуды и прежде всего ритоны, имели именно престижное значение» (Луконин, 1977, с. 35). Подтверждается достаточно высокое положение владельцев северопричерноморских ритонов и общей характеристикой тех погребений, где эти сосуды были найдены.

Если нахождение рядом с амфорами, котлами и прочими «хозяйственными» сосудами может указывать на «бытовую» функцию ритонов, то положение рядом с погребенным или в тайнике может указывать в том числе и на связь ритонов с определенными ритуала-

ми. Расположение вблизи погребенного указывает на непосредственную связь с ним, а следовательно, и с теми ритуальными функциями, которые он мог выполнять.

То же, вероятно, относится и к ритонам, помещенным в тайники. Б.Н. Мозолевский, рассматривая феномен тайников в связи с публикацией комплекса Мелитопольского кургана, полагает, что помещение предметов в специальный тайник, отдельно от погребенного, так же как и помещение иных сакральных атрибутов в дромосе могилы или в насыпи кургана должно было «подчеркнуть именно культовую сторону своих предметов, их принадлежность божеству», иначе они были бы помещены около погребенного (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 168, 174). Соглашаясь с мыслью о сакральном значении предметов из тайников, мне хотелось бы отметить, что помещение тех или иных предметов близ погребенного вряд ли непременно свидетельствует об отсутствии у них какой-либо культовой функции. Напротив, они могли указывать на высокий социальный статус и те функции (в том числе ритуальные), которыми обладал погребенный.

Включение в эту же группу уляпских ритонов обуславливается в первую очередь ритуальным характером комплекса, что подтверждается и его составом. Помимо ритонов и черепа «погребенного» (жертвы) соответствующее скопление вещей содержало иные металлические сосуды, а также украшения (гривна, нашивные бляшки).

Литература

- Луконин, 1977 – Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977
Маразов, 1978 – Маразов И. Ритоните в древна Тракия. София. 1978
Медведев, 1999 – Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999
Миллер, 1910 - Миллер А. Раскопки в районе древнего Танаиса// ИАК 35 СПб, 1910
Тереножкин, Мозолевский, 1988 – Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988
Фиалко, 1996 - Фиалко Е.Е. Наборы античной металлической посуды из скифских погребений// Мир Ольвии. Киев, 1996